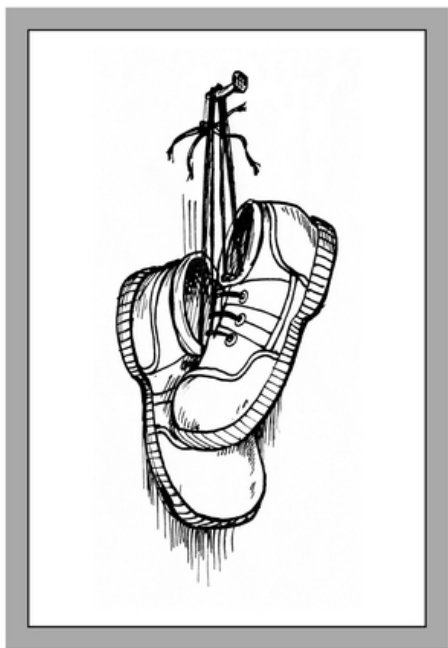

Владимир Дэс

Стенан

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс Степан (сборник)

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816100

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы:

1. Степан
2. Как стать миллионером
3. Самый сумасшедший день
4. Адамит
5. Забвение
6. Как один начальник...
7. Ключи от мира свободы
8. Колбаса
9. Мода (рассказ)
10. Парижский шоппинг
11. Управление
12. Номер на всю жизнь

Содержание

Степан	4
Как я стал миллионером	11
Сумасшедший день	14
Адамит	20
Забвение	24
Как один начальник двух пролетариев накормил	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Дэс Степан (сборник)

Степан

Когда Степан родился, он не знал, что родился собакой. Он даже не знал, что его зовут Степаном, и не отзывался на это имя, когда его окликали.

Вокруг ходили двуногие существа, очень милые и добрые, все очень похожие друг на друга.

Степан, как назвали его эти существа, твердо был уверен, что он такой же, как и все остальные, только пока маленький. И, конечно, люди в его возрасте тоже были такими же, как он. И тьякали так же, и скулили по ночам, и писали тоже, наверное, в корзиночку.

Мир вокруг был большой и интересный, наполненный любовью и лаской.

Степан подрастал.

Стал понимать, о чем говорят люди. Все или почти все. И он с ними тоже разговаривал. Правда, не все понимали, что он натягивал.

Степан очень любил играть. Резвиться. Бегать и любить, любить окружающих его людей.

Он был уверен, что его родили эти люди. Ну кто-то из этих

людей. Скорее всего, хозяйка дома. Она особенно была нежна и ласкова с ним. Чаше других давала ему вкусные и сладкие косточки.

Про себя он называл ее «мамой».

Высшим его наслаждением было тявкать и поскуливать около ее ног. В эти моменты он прямо дрожал от возбуждения, вдыхая ее родной запах.

И так долго долго он бегал и веселился, пока не наткнулся однажды на зеркало.

В нем он увидел какое-то вислоухое существо. Очень смешное и забавное. Он решил познакомиться с незнакомцем.

Подлетел к зеркалу и... стукнулся головой о стекло, так и не поняв, почему ему не удалось поиграть с вислоухим болванчиком.

Вообще, в мире было много чего забавного. И не только забавного, но и непонятного.

Все страшное, больное и чужое для него было непонятным.

Например, камин в загородном доме.

С виду он был привлекательно теплым и ласковым, но когда Степан сунул в его дрожащее красными огоньками чрево свой холодный нос, этот добрый камин его так укусил, что пришлось навсегда обидеться на него и ближе, чем на метр, к нему не подходить.

А однажды Степан со своей мамой гулял по берегу какого-то блестящего и мокрого огромного блюда.

День был солнечным и веселым.

Он носился, как угорелый, и вдруг увидел, что кто-то бросил палочку на поверхность мокрого блюда. Палочка осталась там лежать, как на травке. Степан тут же бросился за ней, спрыгнув с обрыва.

Мокрая поверхность почему-то вначале расступилась, а потом спрятала его в себе. Не давая ни дышать, ни скулить.

Со Степаном стало твориться что-то непонятное. Ему становилось все хуже и хуже. Но вдруг кто-то вытащил его наверх и выбросил на зеленую травку. Спасительницей оказалась хозяйка.

Степан долго чихал. Долго скулил. Хозяйка ругалась. Степан почувствовал себя виноватым. Но, увидев бабочку, забыл обо всем и помчался за ней. Но когда крылатый цветочек полетел над коварной мокрой поверхностью, Степан тут остановился. Помотал головой и в большое блюдо больше прыгать не стал.

Вообще, Степан любил не только удивляться миру, но и рассуждать о нем.

Так предположение, что его родила хозяйка, отпало само собой. Произошло это после того» как они побывали в гостях у одних знакомых, где оценилась знакомая собака.

После вечера, проведённого Степаном у корзинки с роженицей, он вдруг сделал для себя неожиданное открытие: это он родил всех людей в его семье.

От этой мысли он обалдел.

Дома стал ходить за своими квартирантами и заглядывать в глаза, гадая, кого же он родил раньше, а кого позже. Когда пришла соседка, он додумал, может, и ее он родил? А когда выглянул в окно и увидел множество людей гуляющих по улице, решил, что они от него. От такой мысли он загордился и долго демонстрировал свое высокомерие и властность. Чем очень удивлял всех. И продолжалось это почти целый день, пока ему не попало за опрокинутую миску. После этого о первородстве пришлось забыть.

А однажды он влюбился...

Произошло это в тот момент, когда он с хозяйкой возвращался с утренней пробежки по парку. Только вбежали в свой двор, как из крайнего подъезда выскочила смазливая болонка с бантиком на шее. Следом плавно вышла ее хозяйка.

Степан как увидел Ньюшу (так звали болонку), так и обомлел. Ничего более прекрасного он не видел.

Болонка подбежала к застывшему в немом благоговении обожателю, обнюхала его и побежала дальше по малой своей нужде.

Хозяйки, поздоровавшись, заговорили о чем-то женском. Степан робко-робко потрусил к Ньюше.

Нюша носилась по двору, как бы не замечая Степана. А он, обалдевший, семенил за ней. Держа себя на расстоянии. Робая подступить к совершенству.

Наконец Нюше надоело бегать и она, найдя что-то в детской песочнице, стала там ковыряться.

Степан подступил ближе.

Потом еще ближе.

Лапы его самопроизвольно подогнулись, и он смиренно подполз к своему идеалу. Подполз и застыл в немом упоении.

Нюша, взглянув на обожателя, покрутилась на месте во все стороны, чтобы ее можно было лучше рассмотреть.

А Степан не отрывал от нее взгляда, следя за ней изумленными добрыми глазами, и только время от времени перекладывал голову с одной лапы на другую.

И это продолжалось до тех пор, пока хозяйки не наговорились вдоволь и не растащили собак по домам.

Дома Степан был каким-то задумчивым.

Все заметили его состояние, и дочка хозяйки сказала:

– Мам, он что такой, как мешком накрытый?

Мама посмотрела на Степана и сказала:

– Наверное, влюбился...

Услышав это, Степан заволновался, забегал по квартире, а дочь хозяйки, его сестра, спросила:

– А разве собаки могут влюбляться?

И посмотрела на Степана удивленно.

С тех пор все прогулки Степана стали делиться на до Ньюши и после Ньюши.

И продолжалось это до тех пор, пока какой-то страшно большой и пятнистый дог не стал его соперником.

Спустя малое время искусанный догом Степан понял, что он не любим равнодушной к нему обожательницей, и он, страдая, порвал со своей любовью.

Дома его жалели. Давали сладкое. Гладили и почему-то разговаривали шепотом.

Его даже увезли на дачу. На даче было тихо и безлюдно. Там он забыл про свою трагедию. И вернулся домой счастливым.

Теперь, убегая утром на пробежку с хозяйкой, он только весело махал хвостом Ньюше. И даже два раза тявкнул на нее, когда она, заигрывая, преградила ему дорогу.

В общем, с любовью Степан покончил.

Но в его жизни появились другие проблемы.

Однажды, когда к ним в загородный дом пришли гости и сели за стол, Степана, который ранее всегда обедал за столом из своей чашки, прогнали.

Степан отошел в угол к камину, сел там и обиженно стал поглядывать на людей. Вот тогда-то он и подумал впервые: «А может, люди за столом не такие, как он? Может, он другой? И родили его не они, а кто-то, кто бы его никогда не прогнал от своего стола...»

От этой мысли Степан встрепенулся и занервничал.

Выскочил за дверь дома. Покружил у крыльца и побегал-помчался искать того, кто его произвел на свет божий.

Куда глаза глядят...

Побегал, побегал и прибежал назад.

И с тех пор у Степана началась обычная собачья жизнь.

Без иллюзий и разочарований.

Как у всех... песиков.

Как я стал миллионером

В «лихие» 90-е, когда гиперинфляция преподносила каждый божий день сюрпризы, я неожиданно стал миллионером. Хотя никого не бил по голове в темном переулке, не душил подушкой доверчивую даму, судорожно срывая с нее бриллиантовое кольцо, не работал день и ночь, зарабатывая одновременно инфаркт, инсульт и лысину.

Я просто жил.

Жил на просторах нашей необъятной и могучей Родины.

Потому что наша страна – это такое интересное поселение, где граждане могут вдруг однажды утром все разом стать миллионерами.

То есть, когда ты ложишься спать, вроде был нищим, а проснулся, посмотрел телевизор, вышел на улицу – и ты миллионер.

Раньше у тебя в кармане был рубль – теперь это миллион.

Исполнилась мечта многих людей. И, наконец, после ухода человека в мир иной можно с чистой совестью написать на памятнике: «Здесь покоится Владимир Седов – миллионер».

Но пока я не умер.

И живой, подумал: «А хорошо, наверное, жить миллионером».

И стал жить по-миллионерски.

Беззаботно выглянул в окно, присел пару раз, еще бу-

дучи в трусах и майке, умылся, прополаскал рот одеколоном, оделся и вышел на улицу.

Оглянулся.

Красота! Кругом одни миллионеры.

У подъезда сидит инвалид без ноги.

Я ему так запросто:

– Привет миллионер!

Инвалид:

– От миллионера слышу.

Зашел в бар, а там миллионер на миллионере! И стоят, и сидят, и даже по углам валяются одни миллионеры.

Попил пива и зарассуждал с корешами-миллионерами.

– Вот я что думаю, братья миллионеры: и что это нас ругают эксплуататорами. А я так думаю, что мы такие же обыкновенные, как и все люди. Правду я говорю?

– Да-да! – дружно закивали новоиспеченные миллиончики, – миллионер миллионеру друг, товарищ и брат.

После бара двинулся я к себе домой поесть. С пива сыт не будешь. Да и дорого в баре, никаких миллионов не хватит.

Ужин у меня-миллионера был очень скромен.

Из газет и журналов я знал, что там, на Западе, чем миллионер богаче, тем он скромнее кушает: ну там кисель, кашку овсяную, сухарики.

По моему скромному ужину можно подумать, что я весьма состоятельный миллионер, так как выпил стакан обезжиренного кефира, съел две картофелины и на третье – утерся

рукавом фланелевой рубахи.

После этого я лег отдохнуть, и стал мне сниться сон миллионера: живу я во дворце. Кругом слуги, а красивые девушки мне на ночь пятки чешут. Ем от пуза, пью до потери сознания.

Эх, вот житуха!

Проснулся я счастливый и вдруг узнаю по телевизору, что я уже не миллионер, а миллиардер. И все жители города и нашей богатой страны тоже стали миллиардерами.

Я вначале даже обрадовался и от такой радости шею помыл. Но помыв, задумался: «Что же это такое?! Вчера миллионер, сегодня миллиардер. И до каких пор я буду богатеть? Богатство, оно ведь тоже не резиновое! Что-то тут не так, – подумал я-миллиардер, – уж больно быстро богатеет наш народ». И прикинул: «Позавчера я был нищим, вчера миллионером, сегодня стал миллиардером. Кем же я буду завтра?..»

Как ни прикидывал, так и не мог вспомнить: что в десятичной системе счета идет за миллиардом?

Сумасшедший день

Сейчас все говорят, будто мы, сумасшедшие, тоже люди. А я не согласен, что мы все люди.

Я лично – табурет.

Мама, когда приходит ко мне, говорит, Петя, и когда же ты станешь человеком?» Ждет.

После этого и я начинаю ждать, что вдруг из табурета превращусь в человека.

А вообще-то мне и табуретом хорошо. Правда, сидят на мне мало, чаще почему-то бьют.

Но я не об этом хотел рассказать.

Я хочу рассказать о том, как однажды мои друзья, сумасшедшие, чуть по-настоящему не сошли с ума.

Происходило это таким образом.

После обеда повели нас всех к зданию административного корпуса, загнали в большой зал, где раньше конференции врачей проходили и разные торжественные собрания, и объявили, что в стране наконец-то наступила демократия, причем для всех без разбору. Поэтому пришло указание внедрить эту демократию и среди нас, сумасшедших. Некоторые мои братья вначале испугались. Кто-то крикнул:

– Братья-идиоты, нас на колбасу хотят переделать!

И все от страха бросились из зала.

Остались только те, кто уже был колбасой.

Но всех убежавших тут же вернули пинками, заодно объяснив, что такое демократия и что для колбасы дерьма и без нас хватает.

Мы сразу все поняли и успокоились. Ну, а кто не понял, тем надели смирительные рубашки, а в смирительных рубашках все всегда всё сразу понимают.

Тут нам предложили избрать Президиум. Сразу встал один идиот и предложил в Президиум своего лечащего врача. Ему пояснили, что его лечащий врач не является сумасшедшим, а в Президиуме должны сидеть только сумасшедшие, но самые достойные. Тогда он предложил себя, но тут вскочили все остальные и давай кричать, что они тоже достойны быть в Президиуме, а один стал уверять всех, будто он и есть Президиум. Пошумели, посвистели, и организаторы, махнув рукой, записали в Президиум всех желающих сумасшедших.

Стали голосовать за это предложение. Некоторые подняли вместо рук Ноги. На это поступил протест от группы алкоголиков, но им пояснили: ногами голосуют те идиоты, которые считают, что у них вместо рук растут ноги, а вместо ног – руки.

Была предложена повестка нашего собрания. «О роли дураков в российской демократии».

Велели поднять руки. А так как нас уже запутали, кто что должен поднимать, то все те, кто поднимал ноги, **подняли** руки, а те, кто поднимал руки, подняли **ноги**. И многие, кто

не имел навыка поднимания ног вместо рук, попадали с мест, чем создали много шума и порчи имущества.

И с меня свалился один идиот. Не может разобраться, где рука, а где нога.

И дураку понятно: нога растет из головы, а рука из...

Вот и меня совсем запутали. Хорошо, мне не надо об этом думать – у меня, у табурета, рук совсем нет, одни ноги.

Вывели докладчика. Дали ему текст.

Но он вместо того, чтобы читать, взял его и съел. Оказывается, санитары вытащили не того – этот был мусорным ящиком и подумал, что ему дали его любимый мусор.

Пытаясь спасти текст доклада, поволокли его ставить клизму. Пока ждали результата, опять поступил протест от группы алкоголиков, что их товарищ тоже желает выступить с докладом, альтернативным. Дали ему слово.

Брат-алкоголик вышел и стал с жаром уверять нас, что демократия только тогда будет настоящей демократией, когда водку, вино, а также одеколон будут раздавать бесплатно. Это предложение очень понравилось выдвинувшей его группе, те вскочили и стоя стали скандировать:

– Даешь водку! Да здравствует демократия!

Оратор от столь мощной поддержки сильно вдохновился и с криком: «Бей врагов демократии!» бросился на санитаров.

Но санитары, изрядно хлебнувшие «бесплатного» уже сегодня, так скрутили содокладчика, что у него поменялись

местами все части тела. Группа алкоголиков тут же прекратила скандирование и в знак протеста решила демонстративно покинуть зал через окна. Но, наткнувшись на решетки под током, вернулась назад, правда, не в полном составе.

А настоящий текст доклада так и не удалось спасти, хотя клизму делали тут же, за кулисами, с помощью пожарного шланга. Единственным приятным сообщением было то, что докладчик излечился от своей навязчивой идеи, будто он мусорный ящик. Он после клизмы понял, что многие годы ошибался: какой он мусорный ящик, он самый настоящий аквариум.

Мы радостно приветствовали это событие и попросили занести его в протокол. Правда, тут же появились ненормальные, которые стали просить, чтобы им тоже сделали клизмы пожарным шлангом.

Организаторы нашего собрания, разогнав очередь к пожарному шлангу, объяснили, что цель собрания не внеплановые клизмы, а плановое осуждение, то есть обсуждение роли демократии в нашем доме, и предложили высказываться по этой самой роли.

Этим были открыты прения.

Все встали и сразу все стали высказываться. Было добавлено, что должны быть спорные мнения, и мы начали спорить. И некоторые так распорились, что бросились отрывать друг у друга уши и откусывать носы.

Накрывали прения долго и кровопролитно.

Когда закрыли, то в зале осталась только треть первоначального состава: остальных растащили по изоляторам или привязали к креслам. И ко мне одного прикрутили. Он меня давай пинать и пинал до тех пор, пока я ему не разъяснил, что я табурет и в прениях не участвую. Тогда он успокоился.

Решили приступить к зачитанию проекта решения.

Выкрикнули добровольца.

Вышел Доброволец.

Прежде чем зачитать проект решения, он сообщил нам, что никакой не сумасшедший, а Доброволец. Что он добровольно пришел к нам, дуракам, добровольно вел себя так, чтобы все думали, будто он такой же, как мы, идиот. И, четко зачитав проект решения, при гробовом молчании зала, добавил, что теперь он покидает нас, ибо иго ждут передовые отряды демократом у них на Марсе. Затем, передав нам всем пламенный марсианский привет, резво полез на стену.

Мы с завистью смотрели, как марсианин карабкается к потолку. Но он, не добравшись до своего Марса совсем немного, был сбит метким санитаром, запустившим в него огнетушитель.

На этом наше собрание организаторы сочли закрытым и отвязали от меня буйного идиота, испинавшего мне весь живот.

Все стали яростно хлопать в ладоши. Организаторы неза-

метно покинули зал, а поскольку ни нам, ни санитарам никто не объяснил, сколько надо хлопать, так мы до вечерних уколов и прохлопали. У многих после этого собрания болели руки и ноги, и только у одного – голова. Он головой, пока мы демократию создавали, забивал вылезшие гвозди в половых досках конференц-зала, потому что думал, будто он молоток.

А так все были довольны: и мы, и они – эти, кто организовывал День демократии в нашем сумасшедшем доме, тем более, что было сделано одно несомненно полезное дело – забиты все вылезшие гвозди в полу конференц-зала.

Головой, правда, но гвоздям все равно, чем их забивают, лишь бы быть забитыми, как и мне, например, все равно, кто на мне сидит – лишь бы дело делать, не то от безделья станешь еще опять человеком, голосовать потащат, а потом бить будут, как наших дураков-демократов на сегодняшнем собрании.

Нет уж, лучше я останусь табуретом. Все же демократия эта – вещь для здоровья опасная даже в нашем приличном доме.

Адамит

Господу в этот день было скучно.

Никого рядом.

Даже поговорить не с кем.

Трудишься тут целыми днями, создаешь Землю, небо, море, живность всякую. Работаешь, работаешь, а поговорить не с кем.

И тогда Господь от скуки создал Адамита.

Не путайте с Адамом.

Адам был уже потом вместе с Евой. А сначала Господь создал Адамита по образу своему и подобию.

Почему «по образу и подобию»?

Ну, во-первых, раз он Бог, значит, самый красивый. Во-вторых, самый умный. В-третьих... В общем, понятно, Бог есть Бог.

Слепил Господь Адамита, вдохнул в него душу и повеселел – теперь и поговорить будет с кем.

Во всяком случае ему так казалось.

Но оглядев Адамита со всех сторон, Господь понял, что созданное им существо не совсем похоже на него.

Адамит был ростом поменьше Господа, с бородой, но без усов, с длинными ногами, широкими бедрами, с сильными мускулами и развитой, даже слишком развитой грудью.

Сильные руки, тонкие пальцы, завитушки за ушами, а

между ног совсем уж что-то маленькое.

Господь отошел в кусты и, сотворив зеркало, осмотрел себя. Адамит, конечно, похож на него, но в то же время в его фигуре было что-то не так. А вот что именно, Господь никак не мог догадаться.

Наконец Адамит очнулся от первородного сна и, открыв глаза, изгибаясь всем своим молодым телом, встал на ноги. Увидев Господа, Адамит бросился к нему и вцепился губами в его губы в долгом страстном поцелуе.

Господь едва оторвал его от себя. «Боже, он ведет себя как женщина», – подумал Всевышний. И в то же время, когда к дому неожиданно из кустов боярышника выскочил тигр, Адамит тут же бросился на зверя и задушил его голыми руками прямо на глазах изумленного Бога, тем самым показав замечательные мужские качества бесстрашного охотника.

Но это была всего лишь любимая кошка Господа, и он тут же оживил своего любимца. А Адамита усыпил, уложив его опять на свой рабочий стол.

Присел рядом с ним Господь и задумался.

Что же он сделал не так? Ведь хотел сделать так, чтобы было не скучно. И что?.. Теперь и правда не до скуки.

Достал конспект по сотворению Мира.

Стал листать по пунктам.

«Небо – не то. Земля – не то. И это не то, и это тоже. Ага, вот человек. А почему их здесь двое?» – Вот старый дурак! – ударил Господь себя по лбу. – Я же вместо мужчины и жен-

щины создал единое существо, и черты двух полов вложил в одного.

Вот теперь стало понятно, почему борода есть, а усов нет. И бедра большие, и остальное не как у мужиков, очень уж маленькое, прямо как стручок во щели.

К тому же поцелуи, завитушки.

Да, напутал немного.

Как же все это исправить?

Господь задумался.

Очевидно, надо отделить мужские и женские черты друг от друга. Но для этого надо уничтожить Адамита, а это для Бога не так-то просто, тем более что сам напутал. Бог ведь не человек, чтобы так запросто убить другого человека.

Не принимая пока никакого решения, Господь решил еще раз осмотреть то, что создал для своего веселия.

Адамит лежал на спине и во сне сладко чему-то улыбался.

«Наверное, опять меня целует, думает, что он женщина», – подумал Господь.

Но через секунду лицо сладко спящего Адамита исказилось гримасой злости и жажды драки. Адамит даже замахал руками и чуть не ударил Господа в ухо.

«О, это, наверное, в нем проснулся мужчина-охотник».

Дождавшись, когда молодой охотник опять увидит спокойные женские сны, Господь еще более успокоил и усыпил спящего и уже безбоязненно стал осматривать свое создание.

Да, тело Адамита было немного странноватым как для мужчины, так и для женщины.

Волосистой покров был расположен неравномерно. На животе есть, на груди нет.

Мышцы сильно развиты, но кисти рук и ступни маленькие и нежные. Плечи широкие, но зад еще шире.

Стал простукивать и прощупывать свое создание. Может, и внутри чего напутал.

Так, сердце на месте. Печень, почки, легкие... И вдруг его руки, скользя по грудной клетке, вздрогнули. Что за дела? В скелете рудной клетки слева оказалось л: лишнее ребро. Зачем? Теперь и это исправлять надо? Да, наверное все-таки придется уничтожить Адамита, как это ни тяжело. Если бы не лишнее ребро, может, и не стал бы этого делать.

И когда он уже начал готовиться к уничтожению Адамита, его словно прострелило: «А может, уничтожить только одно ребро, а заодно с этим ребром вытащить из Адамита все женское, оставив в нем только мужское начало».

Господь вытащил ребро и, дунув на него, создал женщину, а Адамит стал Адамом с бородой, усами, узким задом и сильными, широкими плечами.

Так вместо Адамита появился Адам.

«А из ребра появилась Ева?», – спросите вы.

Нет, не Ева. Ева тоже была второй после...

Но это уже другая история.

Забвение

Для нас, великих – я имею в виду живых классиков, – страшны не хула и не беспричинная хвала, а забвение.

Вот меня, к примеру, забыли.

А ведь я...

Впрочем, лучше по порядку.

Зададим себе пару простых вопросов: «Почему помнят великих? И в чем их величие?»

Возьмем, к примеру, хоть Пушкина: ну что мы помним из его великого?

«Я помню чудное мгновенье...»

«Итак, она звалась Татьяной...» Ну, и что он памятник воздвиг себе. И все, в общем-то.

Несколько строк – и ты уже сопричастен Вечности.

А Лермонтов? У того вообще помнят не строчки, а отдельные слова: «Мцыри», «Бела», «Печорин» – несколько слов, а ведь помним, чтим и цитируем.

Так у Лермонтова хоть слова, а у Тургенева всего-то на-всего лишь две буквы повторяющиеся: «Му» и еще раз «му». И готово – тоже классик, тоже вечен.

И все его помнят.

Кто хвалит, кто ругает.

Но помнят.

А меня, можно сказать, цитируют и устно, и письменно с утра до вечера, но все-таки забыли... Хотя сказано, – а затем написано мною, – в отличие от некоторых, целое предложение.

Чем я хуже их, этих самых?!

Мне Зоя, жена моя, говорит, что умнее меня вообще никого нет.

Взять, например, какую-нибудь компанию.

Там все и до первой, а особенно после нее, наперебой начинают ученость свою показывать, ум, так сказать, свой обнажать, а я – нет.

Я сижу и молчу.

Долго молчу.

А потом как скажу что-нибудь умное, так все прямо и ахают, а Зоя, жена моя, та от счастья, что я у нее такой гениальный, даже в обморок падает.

Вот, например, были недавно в гостях у одного проходимца.

Стол – так себе: холодец какой-то недоваренный и шампанское без этикеток.

Сидим. Едим. Выпиваем.

А, тот, который нас в гости пригласил, надо сказать, немного на китайца смахивает; может, от природы у него глаза узковаты, а может, после вчерашнего – я разбираться не стал. Только когда все уже сказали, что знали, я расковы-

рля в салате яичный желток и, глядя хозяйину в узкие глаза, спросил при полной тишине:

– А чего это у вас яйца не тухлые?

Все от этого моего вопроса просто осоловели. Зоя, жена моя, увидев, что все замерли, аж затряслась от счастья, что у нее муж такой.

Хозяин, правда, почему-то вдруг начал ногами под столом сучить.

Но я ничего никому не стал объяснять.

Что им объяснять, если одни не видят, что хозяин похож на китайца, а другие не знают, что китайцы любят тухлые яйца, правда, куриные.

Дураки кругом, тонкостей литературного оборота не понимают!

Но этот случай я рассказал так, для примера.

Для того, чтобы стало понятней, почему каждое мое слово на вес золота.

Потому что говорю я очень мало. Иногда могу и полгода кряду промолчать.

Но если уж выдам, так выдам!

Как в тот день, когда я стал живым классиком, правда, незаслуженно забытым.

Вот как это было.

Пришел я к другу своему, художнику.

Он что-то там рисует, мучается. Я же, как всегда, сижу в

сторонке и мудро молчу.

Смотрю – он рисует, рвет и опять рисует.

Жалко мне его стало.

Я подошел, посмотрел.

Потом спросил, что он рисует. Друг объяснил, что ему этикетку на спичечный коробок заказали. Чтобы на ней природа была, но и лозунг чтобы был. Рисунок у него – какие-то там елки-палки – получается, а вот лозунга придумать никак не может.

Посмотрел я на его елки-палки и изрек историческую фразу:

– БЕРЕГИТЕ ЛЕС ОТ ПОЖАРА!!!

Он как услышал – остолбенел: так просто и так гениально.

С тех пор пошло гулять по миру это мое гениальное произведение.

Поэтому-то я вас и спрашиваю:

Если одних помнят и чтут только по двум буквам, да еще и повторяющимся, так меня почему забыли?

А!?

Как один начальник двух пролетариев накормил *(по мотивам сказки Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина)*

В некотором царстве, российском государстве, жили-были два пролетария. Жили они в городе большом и каменном.

Рано утром ходили на работу, вечером смотрели телевизор, ели, пили, иногда любили жен, иногда и не жен.

В общем, жили-жили и вдруг...

Кто-то где-то чего-то недокрутил или недовинтил, а может, наоборот, перекрутил или перевинтил.

Но это не суть важно. Только вот два мирно почивавших в своих кроватях после трудов праведных пролетария оказались вдруг среди бела дня насовсем необитаемом острове.

Проснулись – и не поймут ничего.

Вместо стен каменных деревья, вместо дикой музыки птицы поют. Трава, ветерок, воздух. И лежат они на лужку в трусах и майках.

Огляделись кругом, узнали друг друга: у пивного ларька часто встречались. Оба они никогда не видели живой природы: ни свободной от асфальта земли, ни чистой воды, ни зеленой травы, ни многого чего еще. Даже облака здесь были

не свинцового цвета, а какого-то... небесного.

Сели, от удивления открыли рты и ну смотреть в разные стороны.

А кругом рыба в озере плещется, разве что на берег не выпрыгивает, живность скачет, о ноги спотыкается, птицы на голову садятся, яблоки с грушами за шиворот падают, грибы зад подпирают.

Диво, да и только.

Встали, взялись за руки и айда гулять по острову. Час гуляют – дивятся. Два гуляют – дивятся.

Однако солнышко уже поднялось, что-то и кушать захотелось. Столовых нигде нет, забегаловок и подавно не видно.

Вроде, и живности разной кругом летает и бегает полно, но что можно есть, а что нет, не знают: на бройлерных курах ведь выросли.

Один протянул руку и – хватъ какую-то птицу.

– Вроде, курица, – говорит другому.

– Какая же это тебе курица? Куры без перьев, что ты, разве не видел их в магазине?

– А и правда. – И отпустил птицу.

Подошли к озеру.

Смотри, рыба плещется, а почему ее под водой не видно? Когда я у себя в аквариум смотрю, ее завсегда видно.

Стали рыбу руками ловить, та в руки не дается. Вспомнили: по телевизору часто показывали ловлю рыбы тралом или как на лампочку насосом кильку качают. Лазили, лазили по

острову – ни трала ни лампочек, ни, тем более, насоса не нашли.

От голода уже скулы стало сводить, животы усыхать стали. Пробовали плоды и траву есть, да только плоды кислыми оказались, а трава горькой. Умаялись они от этих непривычных трудов и странного мира. Им бы по кувалде или по станку, ну, на худой конец, клич бы какой-нибудь бросили – тут бы все сразу было бы ясно и понятно. А здесь все не так, все не как у людей.

И почувствовали они, что пропадают и пропадут наверняка, если не случится какого-то чуда или мысль не посетит рационализаторская.

И посетила: вот бы найти начальника, пусть самого заплеванного, хоть замухрышечку, но начальника. Уж он-то, начальник, уж они-то, начальники, знают, умеют... для народа, для нас.

Найти, разыскать! И забегали, засуетились, прямо как у кассы перед зарплатой.

Вначале, вроде, засомневались: откуда на необитаемом острове начальник возьмется, но затем решили, что раз они хозяева (то есть пролетарии) имеются, значит и слуга (то есть начальник) непременно должен быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.